

Лопатников Д.Л. (Москва),

профессор кафедры управления развитием территорий

и регионалистики ВШЭ

Грядущий глобальный постиндустриальный экологический переход

***Аннотация.** В статье автором исследуются экологические последствия постиндустриализации. Автор анализирует взаимовлияние экологизации и преобразования в территориальной структуре мирового хозяйства. Выдвигается гипотеза геоэкологического перехода.*

***Abstract.** In this article the author examines the environmental effects of post-industrialization. The author analyzes the mutuality ecologization and transformation of the territorial structure of the world economy. In conclusion, he speaks about the impact of post-industrial stage of economic development on the global environmental situation.*

***Ключевые слова:** геоэкология, постиндустриализм, территориальная структура хозяйства (ТСХ), экологические проблемы, экологизация, геоэкологический переход*

***Key words:** geoecology, post industrialism, territorial structure of the economy (TSE), environmental problems, ecologization, geoecological transition*

То, что мы живем в динамично меняющемся мире, давно уже стало расхожей калькой. Вместе с этим, далеко не всегда в общественном сознании и даже у специалистов есть «ощущение масштаба» происходящих перемен эпохального значения. К таким переменам можно отнести, например, глобальный демографический переход, современниками которого мы являемся. Среди тех немногих, кто понял значимость этого процесса, был С. П. Капица, который формально не был демографом.

Но даже старания этого столпа популяризации научной картины мира вообще, и этого феномена, в частности, не сделали осознание происходящего адекватным его масштабу. О том, что в начале нынешнего века рост народо-

населения затухает, теперь, известно не только профессиональным демографам. А ведь еще четверть века назад казалось, что он будет идти с ускорением «до второго пришествия». Сегодня же главные споры о том, возьмет ли население планеты планку в 10 млрд человек, или не возьмет. При этом, пока только самые прозорливые видят связанные с затуханием роста народонаселения уже происходящие и грядущие качественные изменения во всей траектории развития человечества.

Еще сложнее обстоит дело с оценкой трансформации глобальной экологической картины мира, адекватной ее масштабу. Общественное экологическое сознание, которое формируется во многом средствами массовой информации, застряло в 1970-х годах и до сих пор опирается на идеи алармизма, заложенные, в частности, знаменитым первым докладом Римского клуба «Пределы роста». То, что, как и утверждали его оппоненты еще в те далекие годы, большинство прогнозов не оправдалось, в лучшем случае, тихо умалчивается. А без ужасов «грядущего экологического апокалипсиса», почему-то становится скучно... Это уже закон жанра. Возможно, именно с этим связано то завидное упорство, с которым некоторые ученые и политики продолжают запугивать общественное сознание антропогенным глобальным потеплением как фактом, и другими экологическими кошмарами. И это при том, что антропогенное глобальное потепление можно рассматривать исключительно как научную и спорную гипотезу.

В этом контексте необходимо сопоставить идеи по спасению планеты и человечества от «экологической катастрофы» с современными трендами в развитии экологической обстановки на Земле. Среди этих трендов автор хочет обратить внимание на те из них, которые идут вразрез с укоренившимися алармистскими стереотипами и которые во многом объясняют эффект откладывающегося экологического апокалипсиса. Особенно важны, хоть пока и слабые, но все более явные экопозитивные процессы в мире. По мнению автора, они недооценены. Такой акцент неверно трактовать, как попытку сменить «черные очки» на «розовые». Это нужно для более полного, а значит, и

более адекватного отражения в научном восприятии отнюдь не радужной, а именно противоречивой современной экологической картины мира, и для того, чтобы попытаться нащупать тренд ее изменения в обозримом будущем.

Есть основания говорить о том, что траектория трансформации экологической обстановки на Земле может в целом повторить демографическую траекторию. По мнению автора, мир вступил в одну из решающих стадий глобального экологического перехода, после которого должна последовать стабилизация антропогенной нагрузки на биосферу Земли, а в долгосрочной перспективе, возможно, даже ее ослабление. Это не означает, что острейшие экологические проблемы на всех уровнях территориальной иерархии, от глобального до локального, уходят в прошлое. Тем более было бы наивно утверждать, что они уходят сами собой, «естественным образом».

Общая траектория трансформации глобальной экологической обстановки на планете определяется огромным и сложнейшим букетом природных и социально-экономических процессов. Но нужно видеть, что, среди этих процессов все отчетливее видятся экофильные процессы. Принципиально важно то, что они детерминированы в первую очередь экономически и, по мнению автора, связаны с постиндустриальными процессами в мировом хозяйстве. Сегодня 70% мирового валового продукта дает третичный сектор. Это оказывает существенное влияние на энергоёмкость мирового хозяйства, снижая удельную энергоёмкость единицы ВВП и качественно меняет его материалоемкость.

Среди факторов, начинающих работать на замедление роста глобальной антропогенной нагрузки на планету и влияющих на экопозитивные сдвиги в развитии мирового хозяйства, следует назвать, прежде всего, «три эко»: экопотребление, эколобби, экобизнес.

Одним из локомотивов экологического оздоровления мирового хозяйства, как это ни парадоксально звучит, выступает общество потребления.

Именно с обществом потребления многие экологи связывают экологические беды на планете. Рационализация, и даже добровольное сокращение по-

ребления называется одним из важнейших условий экологизации жизни. Понимание подобной «рационализации» – самое различное и в большинстве случаев зависит не столько от особенностей профессиональных подходов и компетенции, сколько от политических пристрастий.

Борьба с обществом потребления, широко распространенная в отечественном экологическом сознании, по сути, означает борьбу с экономикой как таковой, ибо именно рост потребления является, с одной стороны, результатом продуктивного хозяйствования, с другой – главным стимулом дальнейшего развития экономики. Сдерживание общества потребления означает сдерживание экономического роста. Поэтому, как в масштабах сегодняшнего, очень экономически контрастного мира в целом, так и для большей части стран в обозримом будущем идея ограничения общества потребления, как минимум, утопична. Общество потребления – естественный плод эффективной хозяйственной деятельности и огромное достижение стран с воспитанными веками культурой труда народов в сочетании с грамотной экономической политикой их руководителей.

Сегодня неверно сводить сущность общества потребления к обогащению материальными благами. Таковым оно видится из современной «догоняющей» России, которая находится только в начальной стадии горячки капиталистического материального обогащения. В развитых странах пик ажиотажа материального потребления прошел во второй половине ушедшего столетия. У нас он еще впереди.

Удовлетворение спроса на экологически чистые блага развивается в соответствии с экономическими законами и зависит от степени дефицитности товара, что создает естественное в условиях рынка неравенство для пользователей. В результате, эти блага становятся «привилегией богатых». В этих условиях, одним из ключевых направлений государственной политики в области экологии в постиндустриальных странах становится борьба за превращение экологических благ из «товара для избранных» в «товар массового спроса». Для этого, в частности, уже задействуются методы активного фор-

мирования экоимиджа и спроса: мощная, направленная на массового потребителя реклама экологически чистых продуктов, здорового образа жизни, экологического туризма и т.п. Многие конкретные экологические программы государства в богатых странах ориентированы на «экологические» потребности среднего обывателя.

Опережающее развитие нематериального спроса выступает одним из важнейших опосредованных факторов экопозитивных сдвигов в хозяйстве высокоразвитых стран. Состояние окружающей среды – если оно обладает соответствующим качеством – само по себе является потребительским благом. Улучшение этого состояния или хотя бы предотвращение ухудшения создает, также как и вложения в человеческий капитал, науку и образование, положительные внешние эффекты – экстерналии.

С ростом благосостояния общества, после того как уровень развития достигает определенного значения, спрос на качество окружающей среды начинает расти. Он растет быстрее, чем спрос на товары и услуги в среднем. Этот феномен известен под названием «экологической кривой С. Кузнецца». Справедливости ради, следует сказать, что у этой кривой Кузнецца есть как сторонники, так и оппоненты.

Становление общества экопотребления идет параллельно в тесной взаимосвязи с формированием экологического лобби в лице наиболее заинтересованных в благоприятной экологической обстановке отраслей. При переходе к постиндустриальной модели хозяйственного уклада в третичном секторе формируется группа отраслей хозяйства, жизненно заинтересованных в экологически позитивных характеристиках используемых территорий. К таким отраслям можно отнести науку, культуру, образование, туризм. Научная и творческая элита в развитых странах активнейшим образом успешно лоббирует самые разнообразные экофильные проекты как из «идейных» соображений, так и из откровенно корыстных. Для нее экологически благополучная среда – одно из необходимых условий эффективной и доходной работы.

По мере роста благосостояния возрастает экофильное «давление» и со стороны богатящего обывателя. Формируется общественное и политическое эколобби. Рост экологических притязаний людей по мере роста благосостояния становится одним из законов постиндустриального развития.

В результате, издержки на экологизацию хозяйства становятся все более весомой частью общих издержек производства предлагаемых на рынке товаров, материальных (особенно наиболее высокотехнологичных) и нематериальных. Это делает выгодным производство более экологически чистых автомобилей, поддержание в чистоте пляжей, очистку водоемов от мусора и др. экологически опасных воздействий человека. Многие экологические издержки трансформируются из внеэкономической категории в категорию экономическую. Экологические блага становятся значимой компонентой выгоды в самых различных проявлениях: от торговли технологическими инновациями до торговли недвижимостью из экологически чистых материалов и с видом не на заводские трубы, а на живописное озеро, полное рыбы и дичи, как, например, во многих, некогда наиболее экологически грязных районах США. Утилитарный подход к природе как был в индустриальный период, так и сохраняется в постиндустриальный. Однако экологические последствия извлечения прибыли из шахт и карьеров и извлечения прибыли из чистых пляжей и живописных пейзажей противоположны.

При постиндустриальном хозяйственном укладе «экология» становится товаром, субъектом товарно-денежных отношений. Качество окружающей среды становится ресурсом для современного общества и тем самым приобретает экономическую ценность. Экобизнес уже стал значимым сегментом хозяйства высокоразвитых стран. У нас много пишут о выводе грязных производств из развитых стран в развивающиеся. Но куда меньше о том, что далеко не единичные примеры модернизации наиболее экологически опасных производств в самих высокоразвитых странах доказывают, что благодаря научно-техническому прогрессу, экологически «безнадежных» производств нет. Есть проблема, как говорят «цены вопроса».

Опыт развитых стран показывает, что, в условиях грамотного использования рыночных механизмов, когда экологизация становится выгодной, нерыночные методы решения экологических проблем нужно рассматривать только как вспомогательные – они должны применяться в тех случаях, когда доказано, что рыночные методы менее эффективны или неэффективны вовсе. Конечно, рыночные механизмы применимы для решения многих, но не всех экологических проблем и не во всех странах в равной степени. Например, меньшая их эффективность в России – прежде всего «проблема роста», а не просто «российская специфика» или тем более, родовая черта рынка вообще. Между тем, низкая эффективность рыночных подходов при решении экологических проблем до сих пор используется в России как аргумент в призывах к усилению государственного администрирования и, конечно, финансирования в экологической сфере.

В конце XX – первом десятилетии XXI века как на планете в целом, так и в отдельных регионах и странах мира произошли значимые изменения в глобальной экологической панораме экологической обстановке. Анализ макроэкологической статистики 1990-2000-х гг. позволяет сделать два важных вывода:

Первый. В начале XXI века закончилась эпоха прямой зависимости остроты экологических проблем от масштабов хозяйства. Это было характерно для индустриального времени. Сегодня острота экологических проблем в большей степени зависит не от плотности населения или количества хозяйственных объектов на конкретной территории, а от их качества. Экоориентированная модернизация промышленных предприятий, даже традиционно наиболее грязных, модернизация транспорта позволяют качественно улучшать экологические параметры хозяйствования не в ущерб роста производимого продукта. Об этом свидетельствует современное развитие энергетики, черной и цветной металлургии в Германии, улучшение экологической обстановки в мегалополисе Токайдо в Японии, Чипитсе в США и многие другие примеры. В целом, экологическая статистика последней четверти века свидетельствует

о том, что рост глобальных экологических издержек по базовым показателям, начиная от пресловутых выбросов CO₂, SO₃ и т.п. идет медленнее, чем рост мирового валового продукта. В ряде стран экономический рост сопровождался сокращением как удельных, так и абсолютных значений традиционных, фиксируемых статистикой, экологических издержек, что принципиально важно (как, например, в Германии, во Франции). Оговорюсь, что речь идет, конечно, об издержках «первого плана». Биогеоэкологические и др., в частности, «латентные» издержки – более сложная тема. Но это не меняет сути происходящего.

Второй. Один из наиболее масштабных сдвигов в мировой экологической панораме в конце XX-начале XXI в. – смещение традиционного, сложившегося в XX в. эпицентра экологического неблагополучия из высокоразвитых стран Центра мирового хозяйства в наиболее динамично развивающиеся страны мировой Полупериферии. Речь идет, прежде всего, о быстро развивающихся странах Азии и Латинской Америки. Именно на Полупериферии мировой экономической системы в начале нынешнего века преобладали экофобные экологические процессы над экофильными, что создало здесь новый мощный центр глобальной экологической угрозы. При этом общий уровень управляемости экологической обстановкой здесь ниже, как и слабее выражен социальный заказ на «экологию». Это позволяет как национальным, так и транснациональным компаниям работать в условиях относительно низкого уровня экологических требований. Решающий вклад в данный тренд внесли Китай и Индия.

Заключение.

1. Постиндустриализация мировой экономики в конце XX – начале XXI вв. стала значимым фактором набирающих обороты экопозитивных процессов в мировом хозяйстве. Параллельное развитие как эконегативных, так и экопозитивных процессов в макрорегионах мира приводит к усилению мозаичности экологической панорамы.

Стало калькой, что экологическая обстановка в мире ухудшается. По-видимому, в начале нынешнего века она скорее не ухудшается, а – пространственно усложняется. Это одно из свидетельств того, что мир вступил в стадию «экологической бифуркации». И это, в свою очередь, дает надежду на то, что после ее прохождения, следующей будет стадия эколого-экономической стабилизации.

2. Опыт постиндустриальных стран показывает, что не лозунговый, а реальный социальный заказ на «экологию» формируется не по мере обострения экологической проблемы, которая при его отсутствии может дойти до катастрофических масштабов, а по мере роста экологических притязаний населения, которые растут параллельно с качеством жизни. «Экологическая волна» последней четверти XX в. связана не только и не столько с имеющим место объективным обострением экологической обстановки на Земле именно в этот период, сколько с субъективным «прозрением» жителей наиболее динамично развивающихся стран и стремительным послевоенным подъемом планки «качества жизни». Это создало важнейшую предпосылку перехода от неосознанного игнорирования экологических проблем в доиндустриальный период через их осознанное игнорирование в индустриальный период и время всемирных лихолетий к осознанному учету экологического фактора при переходе к постиндустриальному развитию.

3. Сегодня есть достаточно признаков, свидетельствующих о том, что экологический переход приближается к «точке перегиба». Об этом говорят набирающие обороты экопозитивные процессы в развитых странах. Они будут продолжаться и усиливаться по мере модернизации экономики, научно-технического прогресса, улучшения качества жизни людей и развития гражданского общества. Не сразу, но данные процессы неизбежно начнут все более явственно проявляться и в «догоняющих» странах. Этот непростой многоэтапный процесс в конечном итоге обеспечит, как минимум, уход от «экологического апокалипсиса» в долгосрочной перспективе. При оптимистическом сценарии он приведет к окончанию периода длительного и жесткого ан-

тагонизма между двумя «эко» – экономикой и экологией, ставшего порождением, прежде всего, индустриального и гуманитарно трагического XX века, когда было «не до экологии». Наступающее постиндустриальное время и связанные с ним наблюдаемые социально-экономические и экологические тренды дают шанс преодолеть опасную для планеты и человечества эпоху.